

Дорогие Катенька, Шура, Миз!

Как видно, наша переписка так и будет продолжать от разу до разу, — пока личное свидание не исчезнет в ней необходимости. Беда только, что это самое личное свидание пока настолько проблема-тично, что не мешая, совсем не мешая нам пока еще обмениваться письмами. Я ощущаю в этом большую нужду, — а как вы?

Не знаю вот, только, с чего-то начать это письмо? В то, что вышло переписки зимой и весной, — со смерти мамы и смерти сынишки? Трудно. Но, очевидно, о вступлении кадра скажите: папа писал мне, что от тебя, Шура, он получил письмо по этому поводу, и что в письме (он мне его не переслал) ты возмущалась смертью мамочки. Она ушла тогда так: зимой, после переписки зимой и весной, начало поправляться. Мичкиные друзья мои возмущались дать ему кормильцу или увести к бабушке, — (когданибудь я расскажу тебе, что такое Тамара и наша жизнь в нем), — мы решили кормить его коровьим молоком. Ребенок хорошо принимал искусственное кормление — до наступления первой серьезной болезни. Никакие меры предосторожности не могли предотвратить того, что кесло с собой лето и подорванной кожей, измучивший себя коровье молоко. Начался обычный понос. На руках у нас тогда — его нянька исключительно преданная и добросовестная женщина, — он начал таять. К нашему ужасу, даже в немецкой медицинской помощи ему было отказано: он болел «на дому», а врач по делу на дом отказался идти. Ребенка нельзя было носить, у него начался воспалительный процесс в брюшине. В отчаянии мы носили его, — через несколько часов у него начался агония, и врач — увидел, чтобы констатировать это. Второго июня, на руках у меня, бедный малыш скончался. Теперь я знаю: преступлением было родить ребенка там.

Преступлением было убийство иже ребенка в чинах, в которых мы с Бэмой находимся. К большому горю, это знание досталось ценой смерти мамочки, ценой опустошения душевного — мамы и Бэмминого. Это же дело!

Вот так всё это было. Я тогда заявила после о переезде в Анхабад, мобилируя обосновавшихся у меня к тому времени коллегам. Через полгода месяца — вне зависимости от заявления — меня перевели сюда, в Андрирай. Через месяц после нашего приезда сюда, Бэма поехала к матери и сестре в Москву, месяца на два. В Москве она проведёт половину этого срока, оставшую половину — с мамой, в Одессе. Жила она 4/IX, Г.С. готове дня Г.Н., и сейчас едет-то около Бремена, а дня через три доберётся до Москвы.

Сейчас, на пороге своего совершеннолетия, я чувствую себя неважно. Это наша первая ранка после двух первых лет жизни внаде и — главное — мучений, переживших вместе. Но Бэме, после 6^{ти} лет (впрочем, я ошибаюсь: 7 лет) ранки с родившим; после всего пережитого в последний год, — эта поездка необходима, и я настаиваю на ней. Для мамы же особое значение имеет то, что она побудет с мамой, хоть месяц, — как-то создавшие ничего, кроме тяжелой горечи, которую не может. Молитесь Богу, Бэммино пребывание, слово и уход, хоть немного возвращают ему равновесие. —

Что слышно у меня вообще? После периода колебаний я устроилась на службу. Служба моя — в Андрирайском отделе Государственного банка, в кредитно-расчётном отделе, в секторе сберского хозяйства. Обязанности — консультирование (или кредитное инспекторство), но звание «старшего бухгалтера», по сути дела, от редакции не заведующим. В моем ведении находятся: машинно-учётная станция, районный союз с/х кооперации, районный колхозный союз, а через некоторое время перейдут ко мне и хлебо-сладкарная организация, и мясо-заготовительная и др. Со стороны шер-банковской дело для меня новое, но зато я рад, что не

отрывалось от с/х экономики. А банковская практика — не повредит, наоборот: она расширяет круг моих эмпирических экономических знаний и навыков. —

Бама, по существу, безусловно смотрит вперед, здесь немаленькая и всеобщая курда в сеговодах и буржуазиях. А у нас у обоих есть очень хорошие и "лесные" резервации.

Читаю журналы мало, а пишу — в журналы — больше пока не пишу. Вот и вся, внешняя, сторона жизни здесь. Удобно писать и о внутренней, что-то в начале очень издана и взрывается в подробности, мало фразеологичны. Поневольно — в какой-то раз и до каких пор? — представляю это.

Дорогой Шура! Уже несколько раз мама передавала твои и Катини волю: хочешь ли я получаю ваши письма. Да, хочу, курдаюсь в них. Жду, что теперь, наконец, они будут получаться. Не забывай ничего, жду, что в первом письме вы все о себе напишете подробно.

Будьте здоровы, обнимаю всех, маму и малышей твоих, Шура, и Люю.

Ваша Вера

Простишь, что написал такое сухое письмо. Жду, пока душевное состояние позволит писать интересные письма, — не решаюсь.